

Светлана Фокина

Одесса, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

ДИСКУРСИВНЫЕ КОНТЕКСТЫ ОБРАЗА ОДИССЕЯ-НОСТАЛЬГИКА

Discursive Contexts of Image of an Odysseus-nostalgic

ABSTRACT: The myth of the wanderings by Odysseus seems to be one of the most sought-after among the protagonists of world literature. Odysseus's nostalgia became the standard within a sense of longing for an abandoned homeland, home, past, paradise lost, and here for exiles and immigrants of different eras and countries, mentally united through the prism of Western culture. Odysseus is a versatile and rather contradictory type of personality, one that corresponds to the spirit of the latest transitional era. The specific psychosphere of an immigrant is focused in its archetypal layer on the myth of Odysseus. Modern immigrant poets include in their lyrical discourse the image of the long-suffering Odysseus as a nostalgic eaten up by longing and the personification of an extraordinary mind. Odysseus is an equivalent figure for the transitional era and the paradoxical consciousness of an immigrant, which is intensified by Odysseus ambiguity and the tendency that arises as to various possibilities for reading the image: in the aspect of nostalgic, spiritual victory, ironization and carnival.

KEYWORDS: Odysseus, nostalgia, immigrant, trickster, modern poets, Western culture

Несомненна популярность хитроумного царя Итаки, чей потенциал анализируется в мифологическом, характерологическом, архетипическом, социокультурном планах. Представляют интерес концепции ностальгии, включающие интерпретацию Одиссея / Улисса как первого ностальгика, что актуализировано в работах Жана Старобинского, Светланы Бойм, романах-эссе Паскаля Киньяра и Милана Кундеры. Но осмысление Одиссея в рамках творческой рецепции эмигрантской литературы как автоэмблематического и прототипического образа требует более тщательной разработки.

Цель данного исследования рассмотреть образ Одиссея как прототип эмигранта и ностальгика в плане соответствующих культурологических и архетипических коннотаций, с учетом поэтической рецепции русскими поэтами-эмигрантами конца XX – начала XXI века. Выбор современных поэтов-

-эмигрантов, чей лирический дискурс избран в качестве иллюстрации вышеотмеченой одиссеевской эмблематики, мотивирован рядом факторов. Определяющими стали: 1) внимание к фигуре Одиссея и акцентирование авторами скорее позитивной оценки столь неоднозначного героя; 2) соответствие поэтов-эмигрантов статусу ностальгика; 3) взаимосвязь представителей современной поэтической диаспоры с неким одиссеевым каноном, совмещающим архетипическое начало в герое, тягу к ностальгированию и одновременно иронизации, что было предложено Иосифом Бродским и продолжено в самобытных поэтических интерпретациях Андрея Ширяева, Веры Зубаревой, Александры Петровой. В качестве дискурсивных контекстов, формирующих своеобразие восприятия Одиссея как ностальгика и эмигранта, помимо различных подходов эмигрантологии (Юрий Боров, Любовь Бугаева, Ольга Демидова, Владимир Земсков, Ольга Матич, Люциан Суханек) были учтены позиции мифологов (Майкл Джеймсон, Алексей Лосев, Ирина Шталь), юнгианская линия (Джозеф Руссо, Карл Густав Юнг), семиотические штудии (Юрий Лотман, Владимир Топоров, Татьяна Цивьян), философско-культурологический контекст (Корнелия Ичин, Петер Слотердаек, Карен Юханнисон, Галина Якушева), поэтика ностальгии (С. Бойм, П. Киньяр, М. Кундера, Ж. Старобинский).

На сегодняшний день эмигрантология имеет свои традиции. Показательно изучение не только закономерностей существования эмигранта на чужбине, но и факторов формирующих представление о *homo emigranticus*¹ как особом социо-культурном типе. О. Демидова подчеркивает, что «история эмиграции неотделима от истории цивилизации хронологически и сущностно»², что способствует зарождению антропологической типологии, выделяющей эмигрантский мировоззренческий и поведенческий ракурсы. Со своей стороны Л. Суханек отмечает следующий вектор эмигрантологии – осмысление «экзистенции диаметрально отличающейся от жизни на родине»³, что в фигуре поэта-эмигранта или же шире интеллектуала, оказавшегося на чужбине, открывает соответствие позиции «человек и Другой, человек и общество»⁴. Л. Бугаева акцентирует значение обрядов перехода в социокультурной, психоаналитической и мифологической плоскостях творческого бытия эмигранта. С точки зрения Ю. Борева, эмигрант – это «трагическая личность [...] блудный сын отечества»⁵, которым в свою очередь представляются «Христос и Ленин, Овидий и Байрон...» и т. д.

¹ Термин предложен О. Демидовой. См. О. Демидова, *Эмиграция как проблема философии культуры*, «Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина». Сер.: Философия, этика, религиоведение, 2015, № 3, т. 2, с. 75.

² О. Демидова, *Эмиграция...*, с. 74.

³ Л. Суханек, *Место антропологии в эмигрантологических исследованиях*, [в:] *Русское зарубежье и славянский мир*, Белград 2013, с. 13.

⁴ Там же, с. 14.

⁵ Ю. Боров, *Эмигрантология*, [в:] *Русское Зарубежье: приглашение к диалогу*, Калининград 2004, с. 6.

Показательно, что эмигрант как особый антропологический тип выступает соединяющим звеном наследия родной культуры с семиосферой обретенного места жительства. В. Земсков в контексте эмигрантологии предлагает понятие экстерриториальности, выделяя две разновидности: эмпирическую, подразумевающую «перемещения из своего пространства в чужое»⁶ и трансэмпирическую, проявляющуюся в фантазийном модусе как «имагинативное пребывание писателя в чужом пространстве»⁷. С точки зрения О. Матич, «архетипической метафорой экспатриации»⁸ представляются как Адам и Ева – изгнанники из Рая, так и реальный древнеримский поэт Овидий, сосланный императором Августом. Позиции ученых дают основания рассматривать эмиграцию сквозь призму различных подходов, однако неизменно высвечивающих помимо доминант леминальности личного хронотопа и трансгрессивности сознания, экзистенциальный аспект мировосприятия. Ряд исследователей предлагает в качестве эмблемы *homo emigranticus* различные архетипические образы, среди которых важное место следует отвести Одиссею, что находит последовательное подтверждение в поэтических практиках поэтов-эмигрантов конца XX – начала XXI века (И. Бродского, А. Ширяева, В. Зубаревой, А. Петровой). В ходе данного исследования в качестве иллюстрации различных вариантов поэтического решения образа Одиссея современными поэтами-эмигрантами избраны именно вышеотмеченные персоналии. Несомненно, включение И. Бродским, А. Ширяевым, В. Зубаревой, А. Петровой одиссея мифа в свою творческую рецепцию. Кроме того, данный выбор также мотивирован ярко выраженными проявлениями ностальгического дискурса у каждого из заявленных поэтов.

По мнению Л. Бугаевой, если в рамках антропологического среза эмигрант – «человек, вынужденный покинуть свой дом»⁹, то в эстетическом плане «интеллектуальный эмигрант – отвергаемый обществом писатель-маргинал»¹⁰. Так или иначе *homo emigranticus* – это, прежде всего, не только социальная и даже экзистенциальная, но во многом именно мировоззренческая и духовная позиция личности, подразумевающая код героя дороги, ощущение бездомности, леминальность, ностальгию, самоуглубление. Подобное самовосприятие предполагает балансирование между статусами отверженности и избранничества, зачастую проявляющимися в режиме взаимодополнения.

Миф об одиссеевых странствиях представляется одним из самых востребованных среди протосюжетов мировой литературы, позволяя авторам, обра-

⁶ В. Земсков, *Экстерриториальность как фактор творческого сознания (варианты; русский, западноевропейский, восточноевропейский, американский и латиноамериканский)*, [в:] Его же, *Образ России в современном мире и иные сюжеты*, Москва. Санкт-Петербург 2015, с. 285.

⁷ Там же.

⁸ О. Матич, *Диаспора как остранение (русская литература в эмиграции)*, [в:] *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*, Санкт-Петербург 1996, т. 2, № 2, с. 158.

⁹ Л.Д. Бугаева, *Литература и rite de passage*, Санкт-Петербург 2010, с. 190.

¹⁰ Там же, с. 191.

щающимися к его интерпретации, эксплицитовать разнообразный спектр смыслов, мифологем, экзистенциалов. С точки зрения С. Бойм, «*Одиссея* – это не история индивидуальной сентиментальной тоски [...]; а скорее – сказание о человеческой судьбе»¹¹. В Улиссе ярко выражена сфера личностного начала, свершений и чувств, связанных с историей его странствий и возвращения домой после двадцатилетнего отсутствия. Улиссово путешествие предстает приоритетной метаописательной моделью провидения и экзистенциального прорыва, где скитания эквивалентны жизненному пути в целом, а обретение вновь Итаки – вариант познания себя. Именно данная художественная призма была использована И. Бродским в созданном им современном одиссеевом каноне, дважды обыгрывающем мотивы возвращения в стихотворениях *Одиссей Телемаку* (1972) и *Итака* (1993). Во многом вслед бродсковскому опыту А. Ширяев также обращается к интерпретации итакийских мотивов в судьбе Одиссея. Подобно И. Бродскому А. Ширяев создает несколько стихотворений на данную тему. *Возвращение на Итаку* (1989) явно раскрывает одиссеевы коды. Лирическое послание *Я вернулся и умер. Оставшись вдовой...* (2013) сам А. Ширяев на своем сайте *Мастер зеркал* охарактеризовал в последний год своей жизни (2013) как входящее в число его «несколько относительно свежих [...] текстов»¹². В данном поэтическом решении улиссовы аллюзии обыграны имплицитно. Видимо, для А. Ширяева наиболее значимый мотив *Одиссеи*, совпадающий с личным экзистенциалом поэта – это мотив возвращения, которое, по сути, оказывается невозможным.

По мысли П. Киньяра – знатока античности и писателя, неизменно интерпретирующего потаенное в человеческой природе, самобытность Одиссея определяет его ипостась героя-путешественника наравне с интенсивностью ностальгических чувств. Согласно П. Киньяру, взаимосвязь стремления к уходу и возвращению – принципы человеческого бытия. Ведь, «уходить – это основа вселенной. [...] Возвращаться домой было основой существования»¹³. Гомеровские герои – это «люди, пораженные ностальгией. Больные возвращением. Улисс – человек, страдающий от nostos»¹⁴. Такая амбивалентная установка тяги к уходу и одновременно к возвращению определяет архетипичность сюжета *Одиссеи* и эмблематичность ее героя, во всяком случае, для европейской культурной модели. Одиссеева способность совмещать в своей природе стремление к странствиям, жажду познания нового и ностальгическое стремление домой, мечты об Итаке вполне соответствует феномену эмигрантского творческого сознания.

По замечанию Ж. Старобинского, поэтика ностальгии зародилась в недрах *Одиссеи* Гомера. Так «в литературной памяти Античности состояние Улисса

¹¹ С. Бойм, *Будущее ностальгии*, Москва 2019, с. 39.

¹² См. на сайте: *Мастер Зеркал. Андрей Ширяев – поэзия и проза*, [в:] <https://www.shiryaev.com/publikatsiya-v-the-epoch-times/> (03.06. 2021).

¹³ П. Киньяр, *Тайная жизнь*, Санкт-Петербург 2013, с. 364.

¹⁴ Там же.

у Калипсо становится парадигматическим образом жизни на чужбине»¹⁵. Ностальгия Одиссея стала эталоном чувства тоски по покинутой родине, дому, прошлому, потеряному Раю для изгнанников и эмигрантов разных эпох и стран, объединенных в ментальном плане призмой западной культуры.

Т. Цивьян приводит альтернативную трактовку ностальгии, осмысляя раннюю интерпретацию одиссеевой темы Константиносом Кавафисом. Согласно данной трактовке, одиссеева «радость от возвращения в родной дом быстро гаснет, заменяясь тоской по морю (*оксюморонной ностальгией по уходу прочь, а не по возвращению*)...»¹⁶ <курсив – С. Ф.>. Такое истолкование ностальгического чувства в целом и ностальгии Одиссея / Улисса уступает по востребованности более традиционному образу тоски по утраченному и недостижимому. Одиссей представляет протомодель изгнанника, странника, ностальгика, воплощая своеобразие эмигрантского видения мира и места *homo emigranticus* в нем.

Специфическая психосфера эмигранта в своем архетипическом слое координируется следующими аксиологическими доминантами. Стремлением вернуться домой, в прошлое, в воображаемый Потерянный рай – с одной стороны. С другой – тягой к перемене мест, отъезду, разрыву, обретению нового. Данные альтернативные установки совмещаются в мифологеме Одиссея, высвечивая самобытность феномена эмигранта. Подобная противоречивость определяет специфику амбивалентности эмигрантской психосферы, выбор тем и своеобразие творческой позиции поэта-эмигранта, находящегося в ситуации пограничности. Существование в режиме вечного пути и стремление к неизменному поиску неизведанного – все это обеспечивает обостренное ощущение экзистенциальной полноценности для личности данного типа.

Вышеотмеченная смысловая парадигма близка женским интерпретациям одиссеева мифа, что представлено в творчестве А. Петровой (*По колдовскому острову брожу...*) и В. Зубаревой (*Мне снится возвращение домой...*). Для А. Петровой Одиссей близок как герой дороги и в этом представляется вполне автометаописательным образом. Бродсковской линии в поэтической рецепции Одиссея А. Петрова следует в плане фиксации на образе острова как знакового топоса. Решение одиссеевой темы В. Зубаревой показательно последовательной реализацией концепта ностальгии, включением онирического плана в мотив возвращения, акцентированием воплощения Одиссеем интеллектуальности (*мысль-Улисс*).

Взгляд мифологов, семиотиков, культурологов сходится в признании Одиссея носителем особого типа сознания, отличающегося высоким интеллектом и переходностью. Подобные характеристики показательны и для типа *homo emigranticus*, для которого Улисс представляется во многом прототипическим образом. С точки зрения А. Лосева, Одиссей весьма яркая фигура, воплощающая

¹⁵ Ж. Старобинский, *Чернила меланхолии*, Москва 2016, с. 272-273.

¹⁶ Т. Цивьян, *Путешествие Одиссея из Греции в Грецию через Запад. Итака Кавафиса: к теме интертекста*, [в:] Ее же, *Язык: тема и вариации*: в 2 кн, кн. 1: *Балканистика*, Москва 2008, с. 300-301.

неистошимую энергию. В отличие от других героев, участвующих в Троянской войне, Одиссей побеждает «не только оружием, но и словом и умом»¹⁷, давая «место новому интеллектуальному героизму»¹⁸. Одиссеева незаурядность, психологическая пластичность, бесчисленные испытания, ненасытность в познании, страдания от разлуки с родиной делают героя привлекательным для носителей интеллектуального начала. Исследователь гомеровского эпоса И. Шталь отмечает, что «... “одинокий” герой Одиссей в некоем свойстве, [...], именно в “хитрости”, равен богам и, видимо, превосходит богов»¹⁹. Одиночество Одиссея можно рассматривать, согласно И. Шталь, в родовом плане, т. е. как социальный, моральный и символический статус единственного наследника своих родителей. Нечто подобное может испытывать поэт-эмигрант по отношению к родной культуре и традициям, которые он сохраняет и трансформирует, находясь в принципиально иной социальной и культурной среде. По наблюдениям мифолога М.Г. Джеймсона, «героический миф был источником знакомых символов, имен, одно лишь упоминание которых вызывало живые ассоциации: Одиссей, терпеливый, проницательный, потрясающий оратор...»²⁰. Помимо интеллектуальных качеств античного героя, его дар красноречия дает возможность для художников слова расценивать Одиссея как одну из модификаций образа современного поэта.

В характере Одиссея «присутствует некое авантюрное начало»²¹, что соответствует модусу трансгрессивности. По замечанию В. Топорова, «... Одиссей “работает” со случаем», чтобы «склонить случай в свою пользу и построить такой ряд “случайных” удач, который мог бы превозмочь злую судьбу...»²². При обширнейшей интерпретационной памяти, реализованной от Античности до наших дней, Одиссей как разносторонний и довольно противоречивый тип личности соответствует духу новейшей переходной эпохи.

Пограничность героя, особенности его психотипа, установка на эксперимент, связь с темой пути, способствуют неожиданному сближению с другой знаковой для европейского сознания фигурой, воплощающей дух *Заката Европы*. По наблюдению Г. Якушевой, «неслучайно именно в XX веке Фауст [...] часто сопоставляется с [...] Одиссеем (долгое возвращение “к себе самому”)...»²³. Наравне с Фаустом Одиссей воплощает преодоление запретного, представляясь фигурой,

¹⁷ А.Ф. Лосев, *Одиссей*, [в:] *Мифы народов мира*: в 2. т, т. 1, глав. ред. С.А. Токарев, Москва 1991, с. 243.

¹⁸ Там же.

¹⁹ И.В. Шталь, *Одиссея – героическая поэма странствий*, Москва 1978, с. 78.

²⁰ М.Г. Джеймсон, *Мифология Древней Греции*, [в:] *Мифологии древнего мира*, Москва 1977, с. 241.

²¹ Там же, с. 8.

²² В.Н. Топоров, *Эней человек судьбы*, ч. 1, Москва 1993, с. 7-8.

²³ Г.В. Якушева, *Фауст в искушениях XX века. Гётевский образ в русской и зарубежной литературе*, Москва 2005, с. 190.

символизирующей пересечение границ. Примечательна идентификация «образа Фауста с образом современного интеллигента», зачастую соотносимая с линией «вечных “будоражителей” (в паре с Мефистофелем) прогресса»²⁴. Данный аспект высвечивает соответствие между одиссеевым и фаустианским кодами. Неоднозначность Улисса как мифологической личности и обширнейший интерпретационный багаж, связанный с данным героем, способствуют перекодировкам этого образа, расширяя так называемую одиссеевую традицию.

Одиссей предстает трагической фигурой как ностальгик, но в то же время эта трагичность уравнивается гибкостью и авантюризмом героя. Не менее привлекательными оказываются ипостаси нарушителя запретов и воплощение тона авторской иронии. По слову немецкого философа П. Слотердайка, еще в эпоху Гомера осуществилось превращение имени Одиссея «в понятную всей Греции эмблему нового, постгероического человеческого типа»²⁵. В слотердайковской рецепции «сегодняшний Одиссей у мачты – это лауреат какой-нибудь премии в области искусства, со склоненной головой выслушивающий хвалебную речь в свою честь»²⁶. Вышеописанный одиссеев статус подчеркивает не только ипостась интеллектуала, но и жизненный выбор, подразумевающий одновременно искушение (пение серен) и противостояние ему (привязанность к мачте).

Подобная одиссеева неоднозначность наиболее адекватно соответствует парадоксальности эмигрантского мироприятия, объединяющего в своем менталитете контрпозиции, которые символически можно отобразить как этапы странствий Одиссея и черты его характера. Существует точка зрения, согласно которой «внутренний принцип *Одиссеи* – чередование и сосуществование “моря” и “дома”, “странствия” и “острова”, “поисков” и заведомо известной цели, героики и не-героики в одном человеке...»²⁷. Индикаторами одиссеевой трансгрессивности являются балансирование между выживанием и гибелью, вступление во временные браки с хозяйками волшебных островов (Иномирья и пограничья), спуск в царство теней, метаморфозы и трансформации героя (превращение в нищего, старика и обратно). Не случайно с архетипической точки зрения в хитроумном царе Итаки – скитальце и первом ностальгике, отчетливо прослеживаются черты трикстера.

По наблюдениям американского исследователя Дж. Руссо, Одиссей «представляет собой проявление архетипа трикстера – архетипа гораздо более глубокого и парадоксального, чем архетипы героя, воина и царя»²⁸. Трансгрессивный

²⁴ Там же, с. 191.

²⁵ П. Слотердайк, *Сферы. Микросферология*, т. 1: *Пузыри*, Санкт-Петербург 2005, с. 504.

²⁶ Там же, с. 514.

²⁷ А.В. Левченко, Л.И. Скуратовская, *След «Одиссеи» в литературе: парадигмы «Одиссей», «море», «дом», «поиск» в английской литературе*, „Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций” 2008, № 1, с. 246.

²⁸ Дж. Руссо, *Юнгианский анализ гомеровского Одиссея*, [в:] *Кембриджское руководство по аналитической психологии*, Москва 2014, с. 376.

статус античного героя подтверждается явными трикстерскими чертами. Одиссей зачастую находится в позиции промежутка, посредничества, разрушения, переходности. По замечанию К.Г. Юнга, «трикстер – предвестник спасителя. Он одновременно и сверхчеловек, и недочеловек, животное и божественное бытие...»²⁹. Тоска Улисса, давшая культурную призму ностальгических чувств от античного опыта до наших дней, высвечивает в герое широчайший эмоциональный потенциал, варьирующийся от обостренного и даже экстремального проживания реальности до крайней чувствительности.

Может создаться впечатление, что Одиссей как трикстер противопоставлен себе же как ностальгику. Парадоксальность характера Одиссея, противоречивость его поступков определяется своеобразием мифологической сущности героя. Учитывая трикстерскую ипостась Одиссея, возникает вопрос, как данный архетипический потенциал самого хитроумного героя Эллады сочетается с его мироощущением ностальгика. Существует точка зрения, согласно которой Гомер принципиально героизирует Одиссея, смягчая его трикстерские черты. По замечанию Дж. Руссо, «Гомер, несомненно, осознавал сложность и противоречивость своего героя и, как представляется, осознанно прилагал большие усилия, чтобы поднять его до эпических стандартов»³⁰. Признавая правоту ученого, можно предложить иное объяснение сочетания в мифологической личности Одиссея явных черт трикстера и одновременно его героизированный и лиризированный статус первого ностальгика.

Специфика ностальгического восприятия мира обусловлена проявлениями меланхолии в сфере чувств и своеобразии характера их носителя. По наблюдениям К. Юханнисон, «... внутри меланхолика скрываются две ипостаси – гений и животное, возвышенный и примитивный образ»³¹. Приведенное выше утверждение свидетельствует об эквивалентности ипостасей меланхолика и трикстера, сущность которых определяет парадоксальная амбивалентность и взаимообусловленность противоположных начал. Трикстерские и ностальгические проявления Одиссея на архетипическом уровне взаимосвязаны и усиливают каждую из упомянутых ипостасей, отражая сложность и противоречивость не только хитроумного царя Итаки, но и воспринимаемого им мира.

Прототипическая функция Улисса активно реализуется в процессе самопознания эмигранта в социально-психологическом плане и в художественной перспективе. Миф об одиссеевых приключениях расширяет экзистенции эмиграции в целом, задавая прочную связь с феноменом ностальгии. Улиссово одиночество непосредственно связано со странствиями героя, его противостоянием судьбе и тенденциями богоборчества, что способствует зарождению прототипа эмигранта с соответствующими психологическими и мифологическими коннотациями.

²⁹ К.Г. Юнг, *Душа и миф: шесть архетипов*, Киев 1996, с. 347.

³⁰ Дж. Руссо, *Юнгианский анализ...*, с. 374.

³¹ К. Юханнисон, *История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь*, Москва 2011, с. 34.

Такой прототип ностальгика и эмигранта активирует включение потенциальных реминисценций из *Одиссеи* в сюжеты эмигрантов об эмиграции и диаспоре. Для многих писателей – и особенно поэтов-эмигрантов Одиссей / Улисс представляется довольно востребованной и частотной литературной маской.

Фактором признания античным миром высокого морального, культурного и символического статуса одиссеевой ностальгии явилось моделирование согласно данному аналогу спектра чувств изгнанника, погруженного в воспоминания и мечты о родном доме. Тоска Улисса стала автметаописательной для Овидия, на коего «обрушилась опала, [...] десять лет жизни на поселении»³² в Томах. В период ссылки автор *Метаморфоз* проявляет стремление «возвысить собственное горе»³³ над горем античного героя и так «упорядочить хаос мира вокруг себя и хаос чувств внутри себя...»³⁴. Овидий воспекает свой реальный жизненный опыт с оглядкой на улиссову ностальгию. Воплотив чувство скорби от пребывания на чужбине, Овидий сам стал одной из поэтических масок, знаковым и эмблематическим образом для поэтов-эмигрантов. Так в стихотворении А. Ширяева «... и сражение роз неизбежно, и злой лепесток...» Овидий воплощает чувство одиночества в изгнании:

Так ли больно тебе, как тебе не умеется знать
 об искусстве любви, безыскусный мой, бедный Овидий?
 Одиночество пить, как вино, и вином запивать
 одиночество в чашках аптекарских взломанных мидий³⁵.

Традицию своеобразного двойничества с Одиссеем продолжает другой легендарный изгнанник – Данте. По наблюдениям Ю. Лотмана над дантовской рецепцией мифологемы Улисса в *Божественной комедии*, «эпический плут, сказочный герой-обманщик, превратившийся в поэзии Гомера в хитроумного царя Итаки, обретает в поэме Данте черты человека Возрождения, первооткрывателя и путешественника»³⁶. Для ренессансной аксиологии показательны категории поиска, путешествий, свободы, эксперимента. Данный спектр соотносим с ипостасью Одиссея, воплощающего противоречивость природы, непредсказуемость, порыв, тенденцию к бунту. Согласно Ю. Лотману, «Улисс – своеобразный двойник Данте. [...] ... оба они [...] “герои пути” – они постоянно находятся в движении и, что еще важнее, постоянно пересекают границы запретных про-

³² М.Л. Гаспаров, *Овидий в изгнании*, [в:] Его же, *Избранные статьи*, Москва 1995, с. 440.

³³ К. Ичин, *Бродский и Овидий*, [в:] *Литература третьей волны русской эмиграции*: [сб. науч. статей], Самара 1997, с. 263.

³⁴ М.Л. Гаспаров, *Овидий...*, с. 464.

³⁵ А. Ширяев, *... и сражение роз неизбежно, и злой лепесток...* [в:] Его же, *Случайный ангел*, Москва 2016, с. 13.

³⁶ Ю.М. Лотман, *Внутри мыслящих миров*, [в:] Его же, *Семиосфера*, Санкт-Петербург 2004, с. 313.

странств...»³⁷. В восприятии поэта-эмигранта подобная трансгрессивность наделяет улиссову мифологему фактором зеркальности. Одиссей как герой пути устраняет противопоставление трансгрессия / идентичность. Разнообразие ипостасей хитроумного царя Итаки допускает различные варианты идентификации, с неизменным учетом тенденции пересечения границ героем и пограничности его сознания.

В стихотворении А. Петровой *По колдовскому острову брожу...* альтернативой ностальгического чувства и поиска своей идентичности становится авторский миф об обретении *словобрата* – альтер эго лирического «я», которым может представляться как Одиссей, так и Данте:

Лишь дальний голос словобрата
 в лесу косых лучей
 мне приоткроет дверь³⁸.

Самовосприятие поэтов-эмигрантов активизирует механизмы интроспекции, ретроспекции и фантазии. В данном плане показательно высказывание Владимира Набокова, что «и память, и воображение являются формами отрицания времени»³⁹. Несомненно, феномен ностальгии связан с памятью, но памятью идеализированной, мифологизированной, дополняемой фантазией.

Известный чешский писатель М. Кундера, живущий в Париже, в своем позднем романе *Неведение* высказывает парадоксальную мысль, что «чем больше Одиссей томился, тем больше он забывал. Ибо ностальгия не улучшает работу памяти, не пробуждает воспоминаний, она довольствуется самой собой, целиком поглощенная своим единственным страданием»⁴⁰. Идея М. Кундеры скорее противоречит гомеровскому протосюжету, ведь согласно ему Одиссей, попадая к лотофагам, не пьет сок лотоса и не впадает в забвение. При этом М. Кундера – писатель-эмигрант, для которого ностальгия имеет не только знаковую природу как концепт, но и вполне личный характер.

Традиционно Одиссей скорее персонифицирует остроту восприятия, его ностальгия не разрушает и никак не исключает памяти. Но образная система романа *Неведение* подтверждает тенденцию видеть в фигуре Одиссея прототип эмигранта. Осмысляя улиссову ностальгию, М. Кундера говорит о своеобразии тоски по родине именно современного человека, оказавшегося в другой стране, а возможно и о своем собственном психологическом и экзистенциальном опыте. Рассмотренный выше дискурсивный контекст высвечивает взаимосвязь ностальгии с феноменами памяти и забвения.

³⁷ Там же, с. 311.

³⁸ А. Петрова, *По колдовскому острову брожу...*, [в:] Ее же, *Только деревья*, Москва 2008, с. 27.

³⁹ В.В. Набоков, *Интервью Альфреду Аптелю*, 1966, [в:] Его же, *Собрание сочинений американского периода*, т. 3, Санкт-Петербург 2004, с. 605-606.

⁴⁰ М. Кундера, *Неведение*, Москва 2014, с. 28.

Одиссей эквивалентен типу эмигранта в экзистенциальной и символической сферах. Хотя не всем поэтам-эмигрантам Одиссей одинаково импонировал и воплотил в их глазах силу духа. Например, Марина Цветаева акцентировала неоднозначность своего отношения, замечая, что «двое [...] побывли в Аиде живыми: бытовой Одиссей и небесный Орфей. Одиссей, помнится, не раз спрашивал дорогу...»⁴¹. В цветаевском восприятии Одиссей не может быть не привлекательным, так как он – смертный, преодолевший запретную границу, побывав в царстве теней и вернувшись оттуда, и это – знак его избранничества. Но в то же время, по мнению поэтессы, герой соотносим с бытом, что в контексте цветаевской художественной идеологии можно прочесть как негативную характеристику. Так или иначе при всей неоднозначности Одиссея его статус скитальца, путешественника, ностальгика не оставляет равнодушными тех, кто оказался в эмиграции.

В большинстве своем поэтам-эмигрантам вообще и особенно современным, чье творчество приходится на конец XX – начало XXI века, Улисс, давший свое латинское имя культовому роману потока сознания, представляется личностью в высшей степени незаурядной, интеллектуально активной и даже трагической, ставшей своего рода индикатором человека переходных эпох: модерна, постмодерна и зари метамодерна.

Для И. Бродского Одиссей привлекателен как излюбленная литературная маска, поэтический и мифологический двойник. И. Бродский, начиная с 1961 года, обращается к улиссовой теме (*Я как Улисс...*), но ее связь с эмиграцией обостренно ощущается именно в 1972 году – времени выезда из СССР. В лирическом послании *Одиссей Телемаку* (1972), по наблюдению Л. Зубовой, накануне отъезда поэт «говорит об изгнании как судьбе и подводит итог прожитой жизни»⁴² и «скорее снижает образ литературного Одиссея, чем возвышает [...] собственный»⁴³. И. Бродский в своем дальнейшем творчестве эксплицирует самоименование «никто», отсылающее к истории Одиссея и фиксирующее философское самовосприятие поэта. По замечанию К. Ичин, «Бродский берет на себя роль Улисса [...], предпочитая в подражанье античному герою быть никем, становится в итоге им самим»⁴⁴. Завершает И. Бродский одиссееву тему *Итакой* (1993) по-постмодернистски ироничной, при этом не лишенной биографически-метаописательного характера и чувства тоски. Андрей Ранчин высказывает гипотезу, что одиссеев миф «дает Бродскому язык, код для описания собственной жизненной ситуации и тем самым придает ей непреходящий смысл»⁴⁵. Будучи поэтом-эмигрантом

⁴¹ М. Цветаева, *Бальмонту (К тридцатипятилетию поэтического труда)*, [в:] *Ее же, Просто сердце*, Москва 1998, с. 240.

⁴² Л. Зубова, *Поэтический язык Иосифа Бродского. Статьи*, Санкт-Петербург 2015, с. 21.

⁴³ Там же, с. 25.

⁴⁴ К. Ичин, *Бродский и Овидий*, [в:] *Литература третьей волны русской эмиграции*, Самара 1997, с. 362.

⁴⁵ А.М. Ранчин, *О Бродском: Размышления и разборы*, Москва 2016, с. 177.

изначально по мироощущению, а позже по жизненной ситуации, И. Бродский проявляет неизменный интерес к легендарным изгнанникам.

Одиссей для И. Бродского привлекателен не только как прототип изгнанника и ностальгика, но и интеллектуала, ироника, а главное, воплощение архетипа трикстера. Такой аспект вполне мог расцениваться поэтом как автометаописательный потенциал одиссеевой мифологемы. Бродковский лирический герой неизменно не только автобиографичен, но и наделен трикстерскими чертами и трансгрессивностью, что не противоречит и жизненному имиджу поэта. И. Бродский переосмыслением одиссеева мифа и включением его в свой авторский миф создал некую современную модель, в которой соединились различные улиссовы ипостаси. Опыт И. Бродского оказал влияние на видение одиссеевой темы и последующими поколениями поэтов-эмигрантов.

Так А. Ширяев, «одной из любимейших книг» которого, по словам его друга Леонида Каганова, «был *Улисс* Джойса»⁴⁶, также явно неравнодушен к мифологемам, связанным с Одиссеем. Поэт создает в соответствии со своим авторским мифом лирико-иронический вариант возвращения на Итаку в одноименном поэтическом тексте (*Возвращение на Итаку* 1989). Вышеупомянутое стихотворение написано задолго до эмиграции в Эквадор. Обращаясь к теме Одиссея и Итаки, А. Ширяев не только продолжает широчайшую литературную традицию, но и расставляет своего рода акценты в своих приоритетах и поэтических предпочтениях опыта выдающихся предшественников. Несколько сниженный характер интерпретации мотива одиссеева возвращения с акцентированием философского подтекста заставляет вспомнить любовь А. Ширяева к роману Дж. Джойса *Улисс*. Возникает в памяти читателя и аналогия с неоднозначным решением темы И. Бродским в стихотворении *Одиссей Телемаку* (1972). Ширяевское *Возвращение на Итаку* свидетельствует о потенциальном тяготении поэта к ностальгии и стремлении подыскать для своего лирического «я» подходящую мифологическую маску. Из всей истории о хитроумном герое Эллады выбраны мотивы изгнания и возвращения. Ностальгический опыт А. Ширяева, будучи в 1989 году, по сути, еще предчувствием, уже тогда осознается как особая судьба, символом которой становится Одиссей. На первый взгляд позднее ширяевское лирическое послание *Я вернулся и умер. Оставившись вдовой...* связано с темой Одиссея весьма опосредованно и условно. Но одиссеевой мифологеме, при учете некоторых возможных трансформаций, соответствуют мотивы возвращения, ностальгии, вдовствующей жены, античности (пеплум) и образ героя, превратившегося в едва узнаваемый призрак. Тема возвращения, знаковая для А. Ширяева, связывается в первую очередь именно с Одиссеем и Итакой как архетипически маркированным протосюжетом.

Пристальное внимание к одиссеевой ностальгии и остроте мысли можно встретить и в стихах современных поэтов-эмигрантов В. Зубаревой и А. Петровой.

⁴⁶ Л. Каганов, *Стихи Андрея Ширяева настолько настоящие...*, [в:] Его же, *Случайный ангел*, Москва 2016, с. 56.

Стихотворение В. Зубаревой *Мне снится возвращение домой...*⁴⁷ проникнуто чувством ностальгии (*Всплывет как ностальгирующий опыт?*), что эксплицируется во взаимодействии мотивов интеллектуальной незаурядности и странствий. В данном случае, одиссеева тема определяет специфику мировосприятия и жизненного пути поэта-эмигранта, где «*нелинейный странник – мысль-Улисс – / Судьбы-мигрантки множит направленья*». Жизнь эмигранта в данной смысловой призме представляется в виде вечного пути, который имеет множество направлений, что соотносимо с трикстерским варьированием жизненной темы и потенциальной трансгрессивностью сознания.

В поэтическом тексте *По колдовскому острову брожу...* А. Петрова, контаминируя «разные мифологические топосы, где во время своих странствий побывал Одиссей»⁴⁸, вводит аллюзию ностальгирующего и плененного героя «как вариант не только ощущения тоски и одиночества, но и особой судьбы»⁴⁹. Дополняя данное положение, можно отметить, что А. Петрова, тяготеющая к высокой степени мифопоэтичности, не случайно обыгрывает сюжет об эмиграции как одиссеево пребывание на колдовском острове. Привлекательность одиссеевой мифологемы в контексте художественных поисков А. Петровой мотивировано новым местом жительства поэтессы-эмигранта – Италией и связью Одиссея с данным топосом. А. Петрова не только всячески обыгрывает римские реалии в своем лирическом дискурсе, но и подыскивает мифологическую и прототипическую фигуру, соответствующую своему статусу интеллектуала-эмигранта, укореняющегося в итальянской социальной и культурной среде. Именно такой фигурой представляется Одиссей, который в отличие от родоначальника Энея недостаточно свой для итальянского пространства, в то же время глубинно связан с Италией, с ее мифологией и легендарными топосами. В данном плане достаточно вспомнить идентификацию волшебного острова Цирцеи с реальным локусом, входящим в регион Лациума. Одиссей, избранный в качестве литературной маски, будучи протомоделью интеллектуала-эмигранта, способствует раскрытию архетипического потенциала личного опыта эмиграции А. Петровой, переводя его в режим не только лиризации, но и авторского мифа.

Одиссей эквивалентная фигура для переходной эпохи и парадоксального сознания эмигранта, что усиливается улиссовой неоднозначностью и тенденцией к различным возможностям прочтения образа: в аспекте лиризации (ностальгик), героизации (духовная победа), трагичности (никто), иронизации и карнавализации (трикстер). Для И. Бродского Одиссей стал во многом автометаописательным героем даже на уровне совпадений в биографии. Современные поэты-

⁴⁷ В. Зубарева, *Мне снится возвращение домой...*, [в:] Ее же, *Тень города, или Эм цэ в круге*, Idyllwird 2016, с. 189.

⁴⁸ С. Фокина, *Мифологема одиссеевых странствий в ностальгическом дискурсе поэта-эмигранта Александры Петровой*, [в:] *Innovative scientific researches. European development trends and regional aspect*. Collective monograph, Riga 2020, с. 34.

⁴⁹ Там же, с. 34.

-эмигранты, чье творчество связано с концом XX и началом XXI века, во многом ориентируясь на архетипические коннотации одиссея канона и усваивая непосредственно его бродсковскую модель, неизменно вносят важные трансформации. Так для А. Ширяева в поэтической интерпретации Одиссея доминантными стали мотивы возвращения домой, причем трагического. Для В. Зубаревой помимо того, что Улисс – первый ностальгик, видимо, значим факт созвучия его греческого имени с ее родным городом Одессой. Авторский миф А. Петровой перекодирует одиссею трансгрессивность в нетрадиционном ключе, акцентируя не только знаковый топос острова, но и включая в одиссею лирический сюжет андрогинный образ *женомужчины*.

References

- Borev Yu., *Emigrantologiya*, [v:] *Russkoye Zarubezh'ye: priglasheniye k dialogu*, Kaliningrad 2004.
- Boym S., *Budushcheye nostalgii*, Moskva 2019.
- Bugayeva L.D., *Literatura i rite de passage*, Sankt-Peterburg 2010.
- Demidova O., *Emigratsiya kak problema filosofii kul'tury*, „Vestnik LGU im. A.S. Pushkina”. Ser.: Filosofiya, etika, religiovedeniye, 2015, № 3, t. 2.
- Fokina S., *Mifologema odiseyevykh stranstviy v nostalgicheskom diskurse poeta-emigranta Aleksandry Petrovoy*, [v:] *Innovative scientific researches: European development trends and regional aspect*, collective monograph, Riga 2020.
- Gasparov M.L., *Ovidiy v izgnanii*, [v:] Ego zhe, *Izbrannyye stat'i*, Moskva 1995.
- Ičin K., *Brodskiy i Ovidiy*, [v:] *Literatura tret'yey volny russkoy emigratsii*, Samara 1997.
- Jameson M.H., *Mifologiya Drevney Gretsii*, [v:] *Mifologii drevnego mira*, Moskva 1977.
- Johannison K., *Istoriya Melankholii. O strakhe, skuke i pechali v prezhniye vremena i teper'*, Moskva 2011.
- Kaganov L., *Stikhi Andrey Shiryayeva nastol'ko nastoyashchiye...*, [v:] Ego zhe, *Sluchaynyy angel*, Moskva 2016.
- Kundera M., *Nevedeniye*, Moskva 2014.
- Levchenko A.V., Skuratovskaya L.I., *Sled «Odissei» v literature: paradigmny «Odissey», «more», «dom», «poisk» v angliyskoy literature*, “Mirovaya literatura na perekrest'ye kul'tur i tsivilizatsiy” 2008, № 1.
- Losev A.F., *Odissey*, [v:] *Mify narodov mira: v 2. t. t. 1, glav. red. S.A. Tokarev*, Moskva 1991.
- Lotman Yu.M., *Vnutri myslyashchikh mirov*, [v:] Ego zhe, *Semiosfera*, Sankt-Peterburg 2004.
- Master Zerkal. *Andrey Shiryayev – poeziya i proza*, [v:] <https://www.shiryayev.com/publikatsiya-v-the-epoch-times/>
- Matich O., *Diaspora kak ostraneniye (russkaya literatura v emigratsii)*, [v:] *Russian Studies: Ezhekvartal'nik russkoy filologii i kul'tury*, Sankt-Peterburg 1996, t. 2, № 2.
- Nabokov V.V., *Interv'yu Al'fredu Appelyu*, 1966, [v:] Ego zhe, *Sobraniye sochineniy amerikanskogo perioda*, t. 3, Sankt-Peterburg 2004.
- Petrova A., *Po koldovskomu ostrovu brozhu...*, [v:] Eye zhe, *Tol'ko derev'ja*, Moskva 2008.
- Quignard P., *Taynaya zhizn'*, Sankt-Peterburg 2013.
- Ranchin A.M., *O Brodskom: Razmyshleniya i razbory*, Moskva 2016.

- Russo J., *Yungianskiy analiz gomerovskogo Odisseya*, [v:] *Kembridzhskoye rukovodstvo po analiticheskoy psikhologii*, Moskva 2014.
- Shirjaev A.V., *...i srazhenie roz neizbezno, i zloj lepestok...*, [v:] Ego zhe, *Sluchajnyj angel*, Moskva 2016.
- Shtal' I.V., *Odisseya – geroicheskaya poema stranstvij*, Moskva 1978.
- Sloterdijk P., *Sfery. Mikrosferologiya*, t. 1: *Puzyri*, Sankt-Peterburg 2005.
- Suchanek L., *Mesto antropologii v emigrantologicheskikh issledovaniyakh*, [v:] *Russkoye zarubezh'ye i slavyanskiy mir*, Belgrad 2013.
- Starobinski J., *Chernila melankholii*, Moskva 2016.
- Toporov V.N., *Eney chelovek sud'by*, ch. 1, Moskva 1993.
- Tsiv'yan T., *Puteshestviye Odisseya iz Gretsii v Gretsiyu cherez Zapad. Itaka Kavafisa: k teme interteksta*, [v:] Ego zhe, *Yazyk: tema i variatsii*: v 2 kn, kn. 1: *Balkanistika*, Moskva 2008.
- Tsvetayeva M., *Bal'montu (K tridsatipyatiletiyu poeticheskogo truda)*, [v:] Ego zhe, *Prosto serdtse*, Moskva 1998.
- Yakusheva G.V., *Faust v iskusheniyakh XX veka. Gëtevskiy obraz v russkoy i zarubezhnoy literature*, Moskva 2005.
- Yung C.G., *Dusha i mif: shest' arkhetipov*, Kiyev 1996.
- Zemskov V., *Eksterritorial'nost' kak faktor tvorcheskogo soznaniya (varianty; russkiy, zapadnoyevropeyskiy, vostochnoyevropeyskiy, amerikanskiy i latinoamerikanskiy)*, [v:] Ego zhe, *Obraz Rossii v sovremennom mire i inyye syuzhety*, Moskva – Sankt-Peterburg 2015.
- Zubareva V., *Mne snitsya vozvrashhenie domoj...*, [v:] Ee zhe, *Ten' goroda, ili Jem cje v krughe*, Idyllwird 2016.
- Zubova L., *Poeticheskiy yazyk Iosifa Brodskogo. Stat'i*, Sankt-Peterburg 2015.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Светлана Александровна Фокина – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего и славянского литературоведения Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. **Публикации: Раздел в коллективной монографии:** *Мифологема одиссеевых странствий в ностальгическом дискурсе поэта-эмигранта Александры Петровой*, [v:] *Innovative scientific researches: European development trends and regional aspect*, collective monograph, Riga 2020, с. 22-43. **Учебное пособие:** *Образ творческой личности в лирических циклах М. Цветаевой 1910-1920-х годов*, Одесса 2013. **Статьи:** *Литературные и мифологические ипостаси поэтического двойника М. Б. в лирическом послании И. Бродского «Горение»*, «Уральский филологический вестник» 2015, вып. 2: *Русская литература XX-XXI веков: направления и течения*, гл. ред. Н.В. Барковская, с. 203-213; *Меланхолические коннотации пасторального сюжета в лирике А. Ширяева*, [v:] *Многолика пастораль: современные проблемы изучения*, отв. редактор Т.В. Саськова, Москва 2018, с. 138-149; *Векторы движения в семиосфере лирического сюжета Александры Петровой*, „KELM” 2020, № 5 (33), vol. 4, с. 97-103.

ORCID: 0000-0002-2406-0978

Email: svetlana_fokina@ukr.net